

Глава 357: Кто-то умирает (Часть II)

В лесу было тихо. Бесчисленные взгляды пали на Чжэсю, и они отличались друг от друга. Чжу Ло немного сузил глаза и, как казалось, хотел что-то сказать. Мэй Лиша не было в этом месте, он был там, где исчезла зеленая гора. Он смотрел на Сад Чжоу, который уже исчез, и на его старом лице появилось неопишемое выражение.

«Вот, значит, как», - старейшина Горы Ли не выразительно смотрел на Чжэсю.

В лесу возникли звуки шагов и порывов ветра. Они принадлежали разным культиваторам южных Секты Долголетия и Пика Святой Девы. Без каких-либо приказов все они рассеялись, закрыв все пути отступления для Чжэсю. Видя текущую ситуацию, они были готовы действовать уже в следующий миг. Логически говоря, не потому, что Чжуан Хуаньюй указал на Чжэсю и назвал его предателем, все поверили в это без сомнения, а из-за Ляна Сяосяо, который лежал на носилках и смотрел на Чжэсю, глядя на него с нескрываемой ненавистью и настороженностью. К тому же, Чжэсю не пытался опровергнуть эти слова.

Лян Сяосяо был членом Семи Законов Небес, а Чжуан Хуаньюй был гордым, выдающимся студентом Академии Небесного Дао. Показания этих двух были невероятно весомыми. Еще важнее то, что Лян Сяосяо в настоящее время был тяжело ранен, и его истинная эссенция ярко рассеивалась. Он скоро погибнет. Никто не сомневался в том, что он сказал. Кто бы стал врать в последний момент перед смертью?

Чжэсю не был человеком, и не имел никаких связей с разными сектами культивации Центральных Равнин. Однако, он убивал демонов на заснеженных равнинах и сотрудничал с армией Великой Чжоу. Он совершил множество достойных наград дел в армии, и многие аристократы в столице сильно им восхищались. По существу, это был обмен и поиск выгоды. Но это не помешало некоторым людям принять его сторону.

Статус Дворца Ли был относительно выше. Кардинал, который помогал лечить Ляна Сяосяо, немного нахмурил свои брови, и подумал в своем сердце, что порезы на теле Ляна Сяосяо не были похожи на убийственный метод, в котором был хорош Чжэсю. Он нерешительно сказал: «Я считаю, что самыми фатальными... должны быть раны от меча».

Лектор из Забирающей Звезды Академии посмотрел на Чжуана Хуаньюй и сказал с холодным выражением лица: «Действительно, как ты объяснишь это? Чжэсю совершил много достойных поступков на военной службе, и кто знает, скольких демонов он убил на заснеженных равнинах. И ты правда хочешь сказать, что он работал с демонами, чтобы войти в Сад Чжоу для убийства людей. Как могут люди поверить тебе?»

Всё действительно так и было. Особенно ранения от меча на теле Ляна Сяосяо, они явно не были причинены Чжэсю. Это еще больше усугубило сомнения. Многие люди вновь посмотрели на Чжуана Хуаньюй, желая услышать, как он объяснит это. Чжуан Хуаньюй немного сомневался, прежде чем ответить: «Возможно, он всегда скрывал это годами ранее, чтобы получить наше доверие из-за его достойных поступков».

«Указывать на людей и говорить, что они работают с демонами, нельзя со словом 'возможно'», - сказал лектор из Забирающей Звезды Академии без какого-либо уважения, как будто его совсем не заботила его личность.

Оба глаза Чжуана Хуаньюй были немного окровавленными, то ли из-за волнения, то ли из-за злобы. Он открыл рот, как будто хотел сказать что-то, но не стал этого делать, и казалось, что подсознательно взглянул на носилки.

Лян Сяосяо с трудом покачал головой и сказал: «Не говори больше».

Старейшина Горы Ли увидел, что произошло, и смутно понял, что его догадка оказалась верной. Его лицо стало невероятно бледным, а его тело - немного холодным. Слушая слабый голос Ляна Сяосяо, Чжуан Хуаньюй крепко закрыл свой рот. Его лицо тоже побледнело, а его тело стало немного холодным, только вот его холодность и холодность старейшины Горы Ли различались.

Глядя на Ляна Сяосяо, который лежал на носилках, покрытый кровью, он подумал о разговоре, который ранее был у них в Саду Чжоу, и вспомнил несколько десятков скорбных проблесков меча. Он лишь чувствовал холод внутри.

В то время, снаружи Горного Леса Шепота, Лян Сяосяо увидел то, как Чжэсю выносил Ци Цзянь из Сада Чжоу. Он очень спокойно сообщил Чжуану Хуаньюй о кое-каких вещах, перед тем как вытащить свой меч из ножен без малейшего признака колебаний. Затем он использовал невероятно мощную технику меча.

Техника меча была финальной техникой Стиля Меча Горы Ли, наиболее героической и абсолютной техникой. Использование этой техники принесет большой вред противнику, но и сам использующий ее определенно умрет под мечом. Ранее, на Великом Испытании, причиной сдачи Гоу Ханьши в конце было то, что Чэнь Чаншэн решил использовать эту технику.

Лян Сяосяо использовал такую жестокую и трагичную технику на себе.

Чжуан Хуаньюй был шокирован до степени, что лишь мог пялиться на него. Он никогда не видел такого беспощадного человека, и если он был настолько беспощадным к себе, то что насчет других людей?

Да, это был план, до которого додумался Лян Сяосяо. Он использовал смерть и свои ранения меча, чтобы обвинить Чжэсю и Ци Цзянь в сговоре с демонами, заставив обе стороны пострадать.

Он не назвал имя Ци Цзянь перед столькими людьми, потому что любил ее, как друга, и глубоко верил, что имя секты было намного важнее, чем жизнь ученика Горы Ли. Даже если он умрет, он не желал, чтобы великая репутация Горы Ли пострадала, всё еще жалея своего самого младшего юниора.

И именно потому, что он вел себя подобным образом, в его слова было еще легче поверить. Он использовал свою смерть в обмен на выгоду. Лян Сяосяо действительно был ужасающим человеком. Еще страшнее то, что перед тем, как он принял решение, он совсем не сомневался, и казалось, что его не волновало, подействует ли Чжуан Хуаньюй согласно его планам.

Лян Сяосяо использовал свою смерть, чтобы построить план, который заставил Чжуана Хуаньюй чувствовать себя невероятно испуганным. Он хотел бежать, однако знал, что не может бежать. С того момента на берегу озера, когда Чэнь Чаншэн и двое других оказались в засаде Ляна Сяосяо и экспертов демонов, и он не появился, он свернул с пути.

Во многих мгновениях в прошлом у него была возможность исправить направление своего движения, включая текущий миг. Он мог рассказать правду, однако... если он сделает это, его будут считать трусом. Как результат, он не делал это, так что ему требовалось продолжать двигаться по этому пути, не имя возможности оглянуться.

Второй из них, как казалось, уже знал о его выборе с самого начала.

Глядя на Ляна Сяосяо, который лежал на носилках, покрытый кровью и на последнем издыхании, Чжуан Хуаньюй почувствовал, что смотрел на дьявола.

Лян Сяосяо тоже смотрел на него. Его взгляд был довольно мрачным, но он был очень мирным.

В тот момент, как их глаза встретились, все было решено.

Чжуан Хуаньюй ничего не говорил и медленно опустил голову. Он сказал немного дрожащим голосом: «Прости, я не могу ничего сказать».

В глазах всех Чжуан Хуаньюй казался очень грустным, и как казалось, не желал говорить об этом.

Он не мог говорить ничего, что в действительности уже говорило о многом, и это было еще более ужасающим, чем говорить.

Чжу Ло немного приподнял брови и посмотрел на землю, где лежала бессознательная Ци Цзянь.

Ци Цзянь вовсе не знала, что происходило.

«Что ты можешь сказать?»

Новый лектор Академии Небесного Дао вошел в толпу. Когда он услышал о ситуации, его лицо стало немного бледным, и он спросил Чжэсю, глядя под дерево.

Чжэсю без выражения на лице сказал: «Лян Сяосяо - предатель, и работает с демонами... но я не убивал его».

В толпе вновь поднялся шум, и старейшина Горы Ли спросил с холодным выражением лица: «Что ты сказал?»

Чжэсю описал то, что произошло у озера. Он не очень хорошо разговаривал, и делал это очень медленно, но также из-за этого в это было проще поверить.

Лектор Забирающей Звезды Академии спросил: «У тебя есть свидетель тому, что ты сказал?»

Чжэсю и Лян Сяосяо обвиняли друг друга в том, что второй из них был предателем. У них, естественно, не было никакого доказательства, так что они лишь могли искать свидетеля.

Не многие люди верили в то, что сказал Чжэсю. То, что спросил лектор Забирающей Звезды Академии, было шансом, и Чжэсю несомненно должен был выхватить его.

Чжэсю молчал некоторое время, прежде чем сказать: «Я знаю, что вы не верите тому, что я сказал. Подождите, пока Ци Цзянь очнется, и тогда вы всё поймете».

Когда взгляды толпы вернулись к нему, кардинал покачал головой и сказал: «Слишком тяжело ранен, и у его меридианов какие-то тяжелые проблемы. Мы не знаем, когда он очнется, и даже...»

Чжуан Хуаньюй ухмыльнулся и сказал с горем и возмущением: «Не может проснуться, так что ты...»

Они оба не договорили свои слова, но толпа поняла, что эти двое имели в виду.

Существовала возможность, что Ци Цзянь никогда не проснется.

В этом случае Чжуан Хуаньюй будет вне себя от радости.

Это было подобно поговорке: иногда не говорить или не объяснять полностью принесет намного больше вреда, чем говорить отчетливо.

С деталями и ранами на теле Ляна Сяосяо многие люди уже верили, что грубо поняли план, который произошел в Саду Чжоу, почему Чжуан Хуаньюй так сильно горевал, почему он хотел говорить, но затем остановился, почему Лян Сяосяо вот-вот умрет, но не желал говорить ничего более.

«Согласно тому, что сказал Чжэсю, ты не был там в то время», - сказал лектор Забирающей Звезды Академии, глядя на Чжуана Хуаньюй.

Чжуан Хуаньюй ничего не говорил в течение очень долгого времени. После он наконец-то поднял голову и принял решение. Как результат, он казался очень спокойным.

Принять решение между быть трусом вечно и немного побыть воином. Оно было очень простым.

Он уже однажды был трусом, так что в истории, которую он рассказал, он явно был воином.

Хотя он очень хорошо знал, что это были действия труса.

Слушая, как Чжуан Хуаньюй рассказывает свою историю, толпа вновь затихла.

Чжэсю, стоявший под деревом-пагодой, мог чувствовать взгляды, направленные на него с окружений, и мог чувствовать давление, которое медленно стало реальным. Он немного опустил голову и был в сильном смятении.

В этот момент он не мог видеть, так что был в еще большей путанице, не понимая, как люди могли так нагло врать.

Чтобы успешно соврать, он должен был добавить еще больше лжи, чтобы не появилось дыр. История, которую рассказал Чжуан Хуаньюй, полностью исходила из выдумки, которую придумал Лян Сяосяо за очень короткое время, так что он, естественно, не мог оставить все детали идеальными. Чжу Ло, который всегда молчал, вдруг спросил: «Чэнь Чаншэн тоже был там?»

В истории, которую рассказал Чжэсю, Чэнь Чаншэн сыграл очень важную роль. В истории Чжуана Хуаньюй Чэнь Чаншэн появился, но по его нескольким словам он вскоре исчез. Чжэсю не понимал и сказал: «Да, Чэнь Чаншэн может быть свидетелем».

Лектор Академии Небесного Дао посмотрел на него и немного нахмурил брови. Он сказал: «Чэнь Чаншэн не вышел из Сада Чжоу, и уже должен был умереть... ты знаешь это, так почему ты намеренно говоришь это?»

Услышав, что Чэнь Чаншэн погиб в Саду Чжоу, Чжэсю затих и больше ничего не говорил.

Голос Ляна Сяосяо становился слабее и слабее: «Так как он не смог покинуть Сад Чжоу, нет ничего другого».

Сказав это, он вздохнул. Это было немного опечаленным, немного довольным, немного

расстроенным - в целом, очень сложным.

Лес вновь затих, и толпа была шокирована до потери дара речи.

Возможно... в деле работы Чжэсю с демонами, Чэнь Чаншэн тоже был причастен?

Как могла быть создана идеальная ложь? Она не должна была дополняться новой ложью, а подобно картине, некоторые области должны остаться пустыми, давая людям пространство, чтобы самим заполнить пробелы.

Это было то, что сделал Лян Сяосяо, и оно было очень успешным.

Конечно же, до этого момента ложь все еще не была идеальной, потому что слова живых не были настолько убедительными, как слова мертвых - жизнь была самой ценной вещью в мире, и обвинение, сделанное ценой своей жизни, было наиболее сильным. Во многих случаях оно было еще более сильным, чем истина.

Если Лян Сяосяо умрет в этот момент, его замысел против Чжэсю, Ци Цзянь и Чэнь Чаншэна можно считать идеальным.

Он закрыл глаза и улыбнулся в довольно уставшей манере.

На его лице было много сложных эмоций. Там были нежелание, горе, облегчение и... прощение.

Затем он умер.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/92569>